

Д.ГРАНИН

ВЛАСТЬ ИДЕИ

Пророческий дар Достоевского привлекает к нему внимание читателей всего мира. Длится это с прошлого века и к нынешнему юбилею он оказывается одним из самых актуальных писателей.

В чем тут секрет? Да в том, что с огромной художественной силой он поставил перед человечеством вопросы, мучительно-безответные, но на которые отвечать приходится. И, не отвечая, мы все дальше отходим от правды, от добра.

Творчество Достоевского – страстный призыв к состраданию. Униженные, оскорбленные, падшие, люди с угасшей надеждой – во имя их он тревожит совесть. Достоевского тяжело читать потому, что он уличает каждого. Мы чувствуем свою вину, он заставляет стыдиться. Ни одно из его произведений – “Преступление и наказание”, “Идиот”, “Подросток”, “Кроткая”, “Бесы”, вплоть до “Братьев Карамазовых”, – не устарело, наоборот, все они наполняются странной злободневностью, как будто отвечают на события последних лет.

Да, его читают часто неохотно, как бы заставляя себя, и не читать его нельзя. Без него душа зарастает.

“Преступление и наказание”, первый из пяти романов-трагедий, остается наиболее известным. Кроме криминального детектива туго закручена пружина нравственного детектива: признается ли, раскается ли? Это чисто петербургский роман прост по сюжету и сложен для понимания. Время помогло многое в нем прояснить, но далеко не все. Поведение героев, их поступки не всегда ясны даже самому автору. Состраданием, милосердием, сочувствием защищает Достоевский права униженной личности. Он, как никто, исследует мир сострадания, самопожертвования и враждебный ему мир идейного насилия, безразличный к страданиям личности.

Роман “Преступление и наказание” можно определить и как величайшее произведение о силе истинного милосердия.

История Раскольникова – это история немилосердного поведения. История Сони Мармеладовой – воплощение милосердия. Они противопостав-

лены, они враги, соединенные любовью, несчастным сознанием Раскольникова, долгим путем прощения и раскаяния.

Милосердие не задается вопросами чести. Самопожертвование Сони Мармеладовой, которая идет на панель, становится проституткой, чтобы помочь маленьким своим братьям и сестрам, выше ее чести. Милосердие ее к Раскольникову выше справедливости, ее прощение не останавливается перед тем, что он преступник, что он переступил Божеские законы. Она не ждет понимания общества, даже понимания Бога. Она следует только велению своего сердца.

Милосердие — акт индивидуальный, оно апеллирует к личности, а не к коллективу. Пресловутой русской соборности здесь нет места. Полное одиночество сопровождает Сонечку Мармеладову на всем ее тернистом пути. Герои Достоевского совершают свои решающие поступки вне соборности, они одиночки.

Все поведение Сони Мармеладовой нравственно, она не руководствуется никакими идеями, кроме того нравственного закона, который живет внутри нее. Когда Родион Раскольников признается ей в убийстве, то первое, что приходит ей в голову — наверняка он сделал это ради родных, чтобы добыть им денег, примерно схожее с тем самым, что заставило ее переступить.

Нравственный закон существует не только для Сонечки Мармеладовой, в том-то и дело, что он живет и в душе Раскольникова. Это он отдает все свои деньги на похороны Мармеладова. Отдает в душевном порыве, анонимно, не называя себя. И произносит сам себе важнейшие слова: “Есть жизнь! Разве я сейчас не жил? Не умерла еще моя жизнь вместе с старою старухой!”

Акт милосердия вырывает его из пут его идеи. Как же это соединено в человеке, злодейство и милосердие? Вот в чем проблема для Достоевского. Будь Раскольников отпетый злодей, который потом, уличенный, кается, не было бы романа. Достоевского другое мучает.

Злодейство Раскольникова не результат порочности его характера, оно основано на его идее: сильная личность во имя блага всего человечества имеет право пожертвовать жизнью одного человека. Он — исполнитель своей теории. Старушка-процентщица для него — удобное морально выгодное средство. Он ее убивает как бесполезную тварь. Его действия — суть его отношения к ничтожным людям. Деньги старухи помогут ему, он человек, предназначенный для великих дел. Без этих денег он бессилён помочь людям, совершить свои замыслы, направленные на пользу всему человечеству.

Идею эту Достоевский будет развивать в “Бесах” и отчасти в “Братьях Карамазовых”.

Бессилие принести пользу человечеству “при полном вашем убеждении в этом страдании человечества, — пишет Достоевский, — может даже обратиться в сердце вашем любовь к человечеству в ненависть к нему”.

Раскольников апологет этой идеи, он ее исполнитель, воплощение. Идея движет им. Идея, кстати говоря, весьма современная. На ней построена была идеология не одного — множества преступлений, совершаемых и ныне отдельными бандами и целыми государствами.

Раскольников следует не всеобщей идее, не государственной, которая может личность принуждать. У него идея — его собственность. Она для немногих, для избранных, для тех, кто выше морального закона. “Власть дается тому, — рассказывает он Соне, — только тому, кто посмеет наклониться и взять ее. Стоит только посметь. Я захотел осмелиться и убил. Я только осмелится захотел, вот и вся причина”.

Он убеждается, что его идея неопровержима, она хорошо вооружена против всех доводов разума, что может вступить в единоборстве с ней? Кто?

Необыкновенный человек, по Раскольникову, имеет право разрешить своей совести перешагнуть через любые препятствия. Чтобы открытие Ньютона могло стать известным, можно для этого пожертвовать жизнью нескольких человек, которые мешают этому? Можно или нельзя? Имеет право Ньютон устранить этих несколько человек?

Вот дьявольский вопрос, который надо решить. Вот арифметика, от которой не отмахнуться, — пожертвовать несколькими людьми, чтобы обеспечить пользу миллионам. Иначе прогресса не достигнуть. Чем на это возразить бедной Соне? Нечем.

Ее призывы к доброте, сердечности ничего не стоят против соблазна этой арифметики.

Милосердие против идеологии, любовь против идеи — это непримиримый поединок.

Особенность нашего времени в том, что, требуя милосердия к отдельному человеку, мы позволяем себе создавать орудия уничтожения всего человечества. Происходит не нарушение законов нравственности, а их разрушение. Несчастное сознание Раскольникова становится типичным, массовым.

Отчего же терзается Раскольников? Ведь он выполнил то, что хотел. Он, вроде, переступил? Убить-то он убил, но стать сверхчеловеком не сумел. И деньгами не воспользовался и никого не облагодетельствовал. Идея его не смогла окончательно загубить его душу, душа еще мечется, еще не умерла, и у Сони вся надежда на эту живую душу. Любовью, сердечностью старается она исцелить ее. Раскольников сопротивляется этой любви, поддаться ей — значит признать свое поражение. И эта отчаянная борьба — то, что идея, самая, казалось бы, циничная, ядовитая, еще не в силах одолеть живую душу, в этом гениальность Достоевского.

“Сострадание, — утверждает Достоевский — есть главнейший, и может быть, единственный закон бытия всего человечества”.

“Красота мир спасет” — знаменитый тезис Достоевского по-разному толкуется художниками, политологами, литературоведами. Что значит спасет,

от чего спасет и какая такая красота в силах спасти? Наивно же выставлять против гонки вооружений, против экологических кризисов — музыку Шостаковича или фильмы Феллини. Мировое искусство создало за тысячелетия величайшие арсеналы красоты. Эстетическое вооружение человечества с его шедеврами от Данте и Сервантеса до Рембрандта, Чаплина и самого Достоевского. Казалось бы, достаточно, для того чтобы противостоять любым покушениям на человечество. Однако ни Гете, ни Шиллер не могли остановить фашизм, красота великой испанской живописи не спасла народ Испании. Может, эта эффектная мысль Достоевского обращена в будущее? Означает уверенность в силе искусства, создающего красоту, в том, что все больше людей, постигая эту красоту, будут становиться лучше. Можно ли свести тезис Достоевского к эстетическому вызову? Вряд ли. Самое великое и самое массовое искусство не способно предотвратить зло. Оно не в силах повлиять на историю. Искусство не для этого предназначено. Хотя его никак нельзя изымать из мира нравственных ценностей.

В “Бесах” Достоевский выдвигает антитезу: “некрасивость убьет”. “Некрасивое” у него понятие также не эстетическое, а этическое. Некрасивое заключено в человеке — это себялюбие, бессердечие, корысть и, прежде всего, отсутствие сострадания.

Для Достоевского человек — тайна, и все творчество Достоевского — попытка разгадать эту тайну; он все свои силы направляет прежде всего на изучение лабиринтов человеческой души. Где, в каких тайниках и подвалах клокочет ненависть, зависть, зло и где в той же душе скрыта любовь, сочувствование, то есть красота человеческого бытия, ибо человек красив прежде всего любовью и состраданием.

Компьютеры, роботы с новой силой выдвинули вопрос о человеческой душе. Есть она или нет? Ясно, что не разум, не процессы мышления отделяют человека от машины. Что-то другое обозначает человека. Человек, лишенный сострадания, немилосердный человек воспринимается как человек, лишенный души. Не талант, не творчество определяют душу. Скорее всего, она проявляется через сострадание, через милосердие, через веру в добро. В этом, думается, и состоит та красота, которая может спасти мир. Сострадание. Сострадание к природе, к нашим меньшим братьям, сострадание к голодным, бедным, больным, к заблудшим, к одиноким, несчастным — этого все больше не хватает современному миру.

Эстетическое понятие красоты Достоевский переводит в этическое. Но именно добрый, нравственно щедрый человек воспринимается нами как красивый. Был ли Христос красив физически? Неизвестно, однако на всех картинах он прекрасен.